

ЭМОТИВНОСТЬ КАК ФАКТОР ДЕСЕМАНТИЗАЦИИ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

Парсиева Л.К., Гацалова Л.Б.

ФГБОУ ВПО «Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова» (362025, Республика Северная Осетия-Алания, г. Владикавказ, Ватутина, 44-46). E-mail: parsieva_larisa@mail.ru

Изучение вербализации эмоций в аспекте культурно-языкового взаимодействия является актуальной задачей современной лингвистики, так как вербальное выражение эмоций относится к одной из существенных функций человеческой речи. В данной статье на материале разговорной речи и примеров из художественной литературы рассмотрены некоторые способы передачи эмоций в русском и осетинском языках посредством эмотивов, в основе которых лежат вокативные формы имен существительных. В русском и осетинском языках имеется большое количество эмотивных единиц, производных от вокативов, обращений к высшим силам. В устной и письменной формах речи они используются для передачи эмоционального состояния говорящего, выражения эмоционально-оценочного отношения к речевой ситуации, чаще всего выступают как активная реакция на вербальный или невербальный стимул.

Ключевые слова: русский язык, осетинский язык, эмотивность, эмоции, эмотив, лексика.

EMOTIVITY AS A FACTOR DESEMANTIZATION LEXICAL UNITS

Gatsalova L.B, Parsieva L.K.

State educational establishment of higher professional education «North Ossetian State University» named after KostaLevanovichKhetagurov, (Vladikavkaz, Russia 44-46 Vatutina Street, 362025) e-mail: parsieva_larisa@mail.ru

Study of the verbalization of emotions in aspect of cultural and linguistic interaction is the urgent task of modern Linguistics, as a verbal expression of emotions is one of the essential functions of human speech. In this article, based on the spoken language and examples from literature discusses some ways to convey emotion in Russian and Ossetian languages through emotive based on vokative forms of nouns. In the Russian and Ossetian languages there are many emotive units, derived from vocatives, appeals to higher forces. Oral and written language they are used to convey the speaker's emotional state, the expression of emotional and evaluative attitudes towards speech situations, most often serve as a proactive response to verbal or nonverbal stimuli.

Keywords: Russian language, Ossetian language, emotivity, emotions, an emotive expression, vocabulary.

Эмотивный фонд любого языка представляет значительный интерес для исследования в аспекте культурно-языкового взаимодействия, изучения особенностей вербализации эмоций, способов их выражения в устной и письменной речи. Для передачи определенных эмоций в разговорной речи используются фонетические, лексические и грамматические средства, жесты, мимика, интонация и т.д. Основную эмотивную функцию выполняют междометия, среди которых есть и первообразные (непроизводные), и непервообразные (производные), образованные в процессе десемантизации и интеръективации от имен существительных, имен прилагательных, глаголов, наречий, частиц, звукоподражательных слов, устойчивых сочетаний [3]. В данной статье рассмотрим некоторые способы передачи эмоций в русском и осетинском языках посредством эмотивов, в основе которых лежат вокативные формы имен существительных.

В русском языке одними из наиболее частотных эмотивных единиц, образованных от вокативных имен существительных являются: «господи!», «боже», «боже ты мой» и т.д. Эти выражения в процессе десемантизации приобрели функцию выражения эмоций и эмоционально-оценочного отношения к происходящему. Следует отметить, что до настоящего

времени нет однозначного мнения о том, являются ли эти выражения обращением к высшим силам с целью получения помощи, силы, удачи, защиты или представляют собой выражение только лишь эмоционально-экспрессивного отношения к речевой ситуации, так как определить их семантическое наполнение бывает достаточно сложно [5; 6].

Например, выражение недовольства, возмущения, гнева:

...Рука Короткова уже протянулась к кнопке, как глаза его прочитали: по случаю смерти свидетельства не выдаются.

– Ах ты Господи, – досадливо воскликнул Коротков, – что же это за неудачи на каждом шагу (М. Булгаков. «Дьяволиада»).

– Привязалась к старику, дуреха! Он по своей стариковской надобности, а она... тьфу, Господи, да и глупая! (А. Шолохов. «Тихий Дон»).

– Господи, владыко! – простонал мой Савельич. – Заячий тулуп почти новешенький! и добро бы кому, а то пьянице оголтелому! (А. Пушкин. «Капитанская дочка»).

Нет, ответь, ты любишь меня?

– Точно.

– Что «точно»? Неужели трудно сказать жене: «Милая, я тебя обожаю, ты самая лучшая»?

– О господи... – прошипел Куприн. – Между прочим, я нахожусь на работе. Нельзя же быть такой дурой!

– Значит, сидя на службе, обзывать супругу дурой можно, а произнести вслух слова любви никак? – возмутилась я. – Мне не хватает твоего внимания! (Д. Донцова. «Билет на ковёр-вертолёт»).

Удивление, возмущение, недовольство, упрек также нередко выражаются с помощью этих же эмотивных единиц:

– Господи, боже мой! никак колокольчик? – сказала она и бросилась к балкону. (И. Гончаров. «Обыкновенная история»).

В этом примере сложное эмоциональное состояние персонажа, испытывающего одновременно несколько эмоций, передается с помощью использования господи, боже мой, например:

– Боже мой! – закричала Марья Гавриловна, – и вы не знаете, что сделалось с бедной вашей женою? (А. Пушкин. «Метель»).

Фамусов

Моя судьба еще ли не плачевна?

Ах! Боже мой! Что станет

говорить

Княгиня Марья Алексевна! (А. Грибоедов. «Горе от ума»).

Хорошо помню, как прошлой зимой, придя домой, Олег со стоном сообщил:

– Боже! Ну, почему народ у нас такой странный? Все видели машину и то, что у нее имелось четыре колеса. Но на этом одинаковые показания заканчиваются. Далее следует бред. На дороге стояли: «Жигули», «Волга», «Мерседес», «Вольво», «Ока». Цвет: черный, серый, синий, зеленый, голубой... (Д. Донцова. «Билет на ковёр-вертолёт»).

В другой речевой ситуации эти же эмотивные единицы способны выражать положительные эмоции, радость, восторг, удивление:

– Боже мой! Сегодня утром проснулась, увидела массу света, увидела весну, и радость заволновалась в моей душе, захотелось на родину страстно (А. Чехов. «Три сестры»).

И вот я сижу перед ней, – подумал я, – я с ней познакомился... какое счастье, боже мой! (И.Тургенев. «Первая любовь»).

Боже праведный! Что за угрюмое, босое лицо взглянуло на меня из зеркала! Я не хотел верить своим глазам! (А. Куприн. «Как я был актером»).

В осетинском языке также имеются эмотивные единицы, производные от вокативов, обращений к высшим силам.

А. М. Шегрен писал о том, что у осетин мужчины слабо придерживаются религии, женщины еще слабее... [7]. В.И. Абаев отмечал особенности исповедования религии осетин. «Христианство, пропаганда которого велась среди алан с V в., имело решительное преобладание, но и мусульманство укрепилось в некоторых частях Осетии» [1]. Однако осетины также совершали и традиционные жертвоприношения: «Принимая христианство, осетин исполняет некоторые обряды, крестится, соблюдает посты и праздники, иногда ходит в церковь, упоминает имя Христа и некоторых святых, но вместе с тем справляет и прежние языческие обряды, совершает кувды святым местам (дзуарам), приносит жертвы – баранов, козлов, быков по известным дням и не думает, чтобы его прежние обряды были несогласимы с новыми, которые ему указывает духовенство» [4].

Религиозные особенности осетин не могли не отразиться в языке, в частности, в лексико-фразеологической системе. В осетинском языке достаточно много молитвенных формул, клятв, проклятий, связанных с религией, с именем Бога. Например, мужчины-осетины могут клясться именем Бога: Хуыцауыстæн! – «Богом клянусь!», именем Покровителя мужчин и путников Уастырджы, (женщины не произносят имени этого святого, так как оно табуировано): Уастæрджистæн! – «Клянусь Святым Георгием!», Кораном: Хъуыраныстæн – «Клянусь Кораном». В зависимости от речевой ситуации эти выражения могут использоваться как эмотивные единицы, при этом, теряют свою семантико-смысловую нагрузку.

Для выражения различных эмоций и эмоционально-оценочных значений в речи и мужчинами, и женщинами активно используются обороты, которые в соответствующем контексте употребляются в современном осетинском языке как обращение к высшим силам, и лишь в определенной речевой ситуации выступают в качестве эмотивных образований. Также

широкое употребление имеют слова, исторически производные от имен существительных, заимствованные из арабского *æллах*, *йарæбын*, *уæллаей*, утратившие связь со своим первоначальным значением и в настоящее время функционирующие как междометия.

В.И. Абаев указывает, что *æллах* – «восклицание боли, ужаса, при удвоении также удивления, иронии и пр. ... Распространено по всему миру. В осетинском ... в значении «бог» не употребляется» [2]. Таким образом, говоря «*æллах*», человек не предполагает обращение к Богу, и, более того, может не знать, что это слово было заимствовано из арабского языка как существительное «аллах» [5]. Данный эмотив в разговорной речи может выражать значительно более широкий спектр эмоций и эмоциональных оценок. Поэтому при переводе на русский язык наиболее уместным является использование соответствующих по семантико-стилистическому наполнению эмотивов. Рассмотрим функционирование *æллах* в диалоге. Например, выражение удивления с оттенком иронического отношения:

Хъазан. Гæррæт, цæуыл у дæ сусæг зарæг? Чысылмайæфæхъæрдæр кæн.

Гæррæт. Æмæникуыфехъуыстай, сусæгзарæг хъæрæй нæ фæчындæуы.

Хъазан. Æмæдæумæ та цыссусæггагæй?

Гæррæт. Мазæгъ. Удагаслагмææргомцыис, дыууæахаемы та йæмсусæггагтæис...

Хъазан. Гъемæ-мамындзыиураргом кæн.

Гæррæт.

Цæмæн?

Иугæрдæмсусæгис,

уæдæйхъуамæдымгæйæндæрмасхъæркæнайæмайæзæхмæдæрмабауылафай.

Хъазан. Æллах, æллах! Ахæм арф дынсты? (Хуыгаты Г. Æрдхорд æфсымæртæ). – «Казан. Гаррат, о чем твоя тайная песня? Спой её немного погромче. Гаррат. А ты никогда не слышал, что тайные песни громко не поют. Казан. А у тебя-то какие тайны? Гаррат. Не скажи. У живого человека в два раза больше тайного, чем открытого. Казан. Так раскрой мне одну из тайн. Гаррат. Зачем? Уж если у тебя есть тайна, то ее не следует открывать и ветру, и даже выдохнуть в землю. Казан. Ах ты, боже мой! Так глубоко они у тебя?».

В зависимости от речевой ситуации и интонации, с которой произносится эмотив, *æллах* может передавать радость, восхищение, восторг, например:

Лади. Куыдбирæсты!

Бытыр. Æнæхъæн æфсад!

Зæлда (сусæгæй чызджытæм). Æллах, цалсæрæнусгуры! Нæ фæлæ æцаг усгуртæармæстдæрхæстыбыдырыссарæнис (Хæмыцаты Ц. Арвæй æрвыст лæг). – «Лади. Как их много! Бытыр. Целая армия! Залда (шепотом девушкам). Ах, боже мой, сколько завидных женихов! Все же, настоящих женихов можно найти только на поле битвы».

Выражение недовольства, возмущения, боли:

Цорæ. Æрнæм! де уæнгтыл уæлæмæ схæц, – æрызгъæлдыстыдын... Тыхджын! Æллах, æллах! Кæдæм мæ цагъдыс? Хъуылагдынкуынадæн!.. (Брытъиаты Е. Хазби). – «Цора.

(кожемяке). Мни крепче. Подтянись, а то рассыплешься на части... Сильнее же, сильней. Э, Аллах, Аллах, тише. Ближе к желобу дави осторожней, обоим легче будет» (Перевод Е. Бритаева).

Чаще всего данная эмотивная единица выражает страх, тревогу, беспокойство, например:

Есенфехста, æмæхъуывгъан Сары-фыртыкъухæйфæхауд. Сары-фыртфæтарст.

– Æллæх, арвцыхъæркæны, – æмæиуварсалыгъд. Загътама: – УыйЕсениæхстыхуызæн у (ОНС). – «Есен выстрелил и у Сары-фырта (букв. Сын Сара) кумчан выпал из рук. Сары-фырт испугался. – Ой, ой, как гром гремит, – убежал он. Сказал еще только: – Это похоже на стрельбу Есена».

Исторически производным от имени существительного эмотивом, является ИЕ араби, йараби. В.И. Абаев характеризует агæби, агæбун как восклицание, выражающее протест, возражение и пр. ... Из арабского, персидского... «о, господи!»; относится к общему мусульманскому фонду кавказских языков [2].

Эмотив йараби, (йарабын, йараббын) имеет широкое употребление в живой разговорной речи, может передавать различные эмоции и эмоционально-оценочное отношение. Обычно стоит в начале высказывания. В русском языке, в зависимости от речевой ситуации, соответствуют эмотивные выражения да, в конце концов, боже мой, господи, ей-богу и т.п.

В зависимости от контекста может выражать несколько эмоций одновременно: удивление, беспокойство, тревогу, желание и др. Например, использование эмотивной единицы в тексте героической песни для передачи сложного эмоционального состояния героя:

Хазбирайсомламазкуыскаæныæмæйæламаздыхъылкуы

афынаæй ваййы.

– Æй... йараби!.. Хуыцау, хаирфынтæсæфæкæ, – зæгъгæ, куы

фæтаррæтт ласы йæ ламаздыхъхъæй, æмæ йæ зæронд мадмæ

куыбацауы, Санатычызг, Косерханмæ.– Йа, гыцци, диссаджы

фынтафедтон... зæрондаæмфынтайдæсныкуыуыдысты

(ОГП. Хазби). – «Хазби после совершения намаза вздремнул на коврике. – Ох, боже! Господи, сделай так, чтоб сны мои были к лучшему, – подскочив с коврика, подошел он к своей старой матери, КосерханШанаевой. – Э, гыцци, дивные сны я видел... старшие же хорошо разбираются в значении снов...».

Графическое представление данного эмотива характеризуется значительной вариативностью. В «Орфографическом словаре осетинского языка» приводятся следующие: араби, араббын, йараби, йараб(б)ын. Однако в художественной литературе встречаются и другие, что обусловлено известным невниманием к правилам написания эмотивов. Например, *йарæптын*:

– *Йарæптын*, иронадæм нал стамави? Бимболнахъуыди...

Бимболыагурæгарбацыдыстæм... Нæбæхтынынраттут. Ауадзутнæ. Мах дæр дзæгъæлзæдтæ не стæм. Мыгæгтæнынис. Нæсарылчисдзура, ахæмтæдзы разындзæн... (Цæгæраты М. Бынычызг). – «О, боже, не осетины мы уже что ли? Нам нужен был Бимбол... Мы пришли искать Бимбола... Верните нам наших коней. Отпустите нас. Мы тоже не безродные. У нас есть фамилии. Найдутся такие, кто заступится за нас...».

Бытгыр (фæзындчызджыфæдыл, сусæгæй). Зæлда, цы, уыйзоныс? Ацыдиссаджы бон кæрæдзийæнистыдзæбæхныхæстæкуыакæниккам. Цинтæйбайдзагкæнæмнæзæрдæтæ.

Зæлда. *Æнæ дзæбæх ныхæстæй мæ зæрдæ цинтæхъуаг нæу.*

Бытгыр. Араби, лæппуйызæрдæцыхъуаг у, уыйкæдбамбардзынæ, кæд?! (Хæмыцаты Ц. Арвæй æрвыст лæг). – «Бытгыр (появился за девушкой, незаметно). Залда, знаешь что? Давай в этот чудесный день будем говорить друг другу какие-нибудь приятные слова. Наполним наши сердца радостью. Залда. Мое сердце и без приятных слов радостно. Бытгыр. Бог ты мой, когда же ты поймешь, в чем нуждается сердце парня, когда?!».

Выражение *о, месканаг* – *о, мой создатель* может передавать сильные эмоциональные переживания, как положительные, так и отрицательные. Например, испытываемые одновременно удивление, восторг:

Тотыр. Дæныфс та куыдбахастай, дæныфс?

Сæниат. *Æмæйынцызонын?* «Уари, Уари»-иукодтойæдзух. Уарицыдугъынауыд, уыйдугънахуыдтой. Гъемæсаррадаен, зæгъын, цыуа, уыйуæд. Атардтонмæфæнд. *О, месканаг!* Мæзæрдæкуннæратыдтариуæй. Йæгуыпп-гуыппынмæхæдæгæхъуыстон... (Хуыгаты Г. Хъæздыг хæдзар). – «Тотыр. А как же ты решилась, как? Саниат. Откуда же я знаю? Все только и твердили: «Уари, Уари». Скачки, на которых не было Уари, даже скачками не называли. Вот я и сошла с ума, решила, будь что будет. Настояла на своем. *О, мой создатель!* Как у меня только сердце из груди не выпрыгнуло! Я сама слышала его стук...».

В нижеследующем примере эмотивное образование передает восхищение, изумление от неожиданной встречи с прекрасной девушкой:

Хъазан. ...Кæсынæмæ ...саргыбæхылбадычызг... йæ бакастмæ гæсгæ – ирон. ... *О, месканаг!* Йæцастыгæмынфемдзастдæнæмæ мæ'васт мæ сæрæй мæ къæхтыбынмæцыдæртыхахызти. Басыгътамæ. Сауæвзалыкуыннæфестагтæн. Никуы мыл æрцыдахæм хабар. (Хуыгаты Г. Æрдхорд æфсымæртæ). – «Казан. Вижу,... на коне сидит девушка... внешне похожа на осетинку. *О, мой создатель!* Я встретился с ней взглядом, какая-то неведомая сила внезапно пророснула во мне от головы до ног. Сожгла меня. Как я не превратился в черный уголек. Никогда со мной такого не случилось...».

В устной речи широкое употребление имеют проклятия, пожелания различного характера, многие из них имеют эмотивный характер, то есть выполняют функцию выражения эмотивного или ментального состояния говорящего.

Таким образом, и в русском, и в осетинском языках широкое употребление имеют эмотивы, образованные от вокативных форм имен существительных, обращений к высшим силам. В речи данные языковые единицы используются для передачи эмоционального состояния говорящего, выражения эмоционально-оценочного отношения к речевой ситуации, чаще всего выступают как активная реакция на вербальный или невербальный стимул.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 14-04-00360 «Эмоции в современной парадигме культурно-языкового взаимодействия».

Список литературы

1. Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. Т.1. – М., 1949. – С. 72.
2. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка: в 4 т.– Л.,1958. Т. 1. – С. 129.
3. Гацалова Л.Б., Парсиева Л.К. Этноспецифика эмотивных устойчивых сочетаний в осетинском языке // Вестник Челябинского государственного университета. – 2010. – № 29. – С. 53-56.
4. Миллер В.Ф. Осетинские этюды. – М., 1881–1887. – С. 237.
5. Парсиева Л.К. Система междометия в общей парадигме языка (на материале осетинского и русского языков): дис. ... д-ра филол. наук. – Владикавказ, 2010.
6. Середа Е.В. Морфология современного русского языка. Место междометий в системе частей речи: учебное пособие. – М.: Флинта: Наука, 2005.
7. Шёгрэн А.М. Осетинская грамматика с кратким словарём осетинско-русским и русско-осетинским. – М.: ИМЛИ РАН, 2010.

Рецензенты:

Хугаев И.С., д.фил.н., ведущий научный сотрудник ФГБУН Владикавказского научного центра РАН и Правительства РСО-Алания, г. Владикавказ.

Калабекова Л.Т., д.фил.н., зав кафедрой иностранных языков для гуманитарных факультетов ФГБОУ ВПО «Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова», г.Владикавказ.